

Людмила Луцевич

Лицом к лицу: Две встречи

В конференционной концепции, которая предлагалась к размышлению, отмечен такой аспект, как стремление писателя выйти за рамки собственно литературы и обосноваться на чужих интеллектуальных территориях. Дмитрию Сергеевичу Мережковскому (1865–1941) была природно свойственна творческая многофункциональность, потребность в реализации не только писательского дара, но и испытание себя в роли философа, религиозного деятеля, политика. На разных жизненных этапах эти функции достаточно органично сосуществовали, в определенные периоды на первый план выдвигалась доминирующая, подчинявшая себе остальные.

В статье на материале двух очерков (преимущественно «Иосиф Пилсудский»¹ и отчасти – «Встреча с Муссолини»²) сосредоточено внимание на характере восприятия и отражения писателем определенных исторических обстоятельств и их участников – реальных лиц, так или иначе обусловивших политическую активность русского писателя.

Мережковский, как известно, неоднократно пытался утвердиться в роли политика. Уже в 1905 г., считая, что революция не противоречит христианству, он сближается с эсерами и неонародниками, но наиболее последовательно стремится реализоваться как политик после октябрьского переворота (воспринятого как «торжество Хама» и утверждение «царства зверя»), особенно деятельно – в эмиграции. Находясь еще в России, писатель остро отреагировал, прежде всего в качестве публициста, на давление политического поля и предпринял попытки его интеллектуального завоевания, о чем свидетельствуют его многочисленные выступления и разнообразные личные контакты, в частности, с членами Временного правительства (Александром Керенским, Борисом Савинковым – в то время товарищем военного министра, и другими). Вместе с тем «Записная книжка 1919–1920 гг.» отразила и тревожное психическое состояние автора, его неустанные раздумья над собственным настоящим и будущим, над судьбами близких, а главное – над необходимостью принятия судьбоносного решения: «В тишине бессонных ночей я взвешивал две одинаково страшные возможности-невозможности: жизнь в России – умирание телесное или духовное – растрение, оподление; а побег – почти самоубийство – спуск из тюремного окна с головокружительной высоты на полотенцах связанных. И как бежать, оставив близких? Что лучше, погибать со всеми или спастись одному? Сделать выбор, взвесить его на весах внутренних, решить побег, – может быть, было

¹ Проблематика очерка в большей или меньшей степени рассматривалась в научных исследованиях и популярных статьях. См. об этом: Лещенко, Лариса. «Польская эра» Дмитрия Мережковского (1920) // *Przegląd Rusycystyczny*, 1999, N 3-4, s. 39-53; Она же. Польский вопрос в русской философско-религиозной мысли на рубеже XIX-XX веков. Владимир Соловьев. Дмитрий Мережковский. Николай Бердяев. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 2006, s. 63-96; Звонарева, Лола. Европа и Россия в 1920 году: Взгляд из Варшавы Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского // *Studia Rossica* № 10 (O literaturze rosyjskiej nowej i dawnej). Red. Wiktor Skrunda. Warszawa: Instytut Rusystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2000, s. 63-73; Она же. И расточится большевизм // Вышгород. Ред. совет Ирина Белобровцева и др. Таллин, 2006, № 5-6, с. 17-31; Она же. Борец с воинствующим хамом. Публицистика Д. Мережковского варшавского периода // *Иные берега. Журнал о русской культуре за рубежом*, 2013, № 2 (30). Эл. версия: <http://inieberega.ru/node/499> (26.05.2016); Коростелев, Олег. Мережковский в эмиграции // *Литературоведческий журнал*, 2001, № 15, с. 3-17.

² См. об этом: Винокурова, Ирина. Мережковский и Муссолини. К истории взаимоотношений. // *Вопросы литературы*, 2001, № 2, с. 274-287; Полонский, Вадим. Отношения писателя с властью в контексте модернизирования ереси: Д.С. Мережковский и Б. Муссолини // *Материалы Ежегодной Богословской конференции ПСТБИ*. Москва: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2001, с. 352-357; Он же. Между метафизикой, историей и политикой: Религиозная мифология в позднем творчестве Д.С. Мережковского // *Вопросы литературы*, 2006, № 1, с. 186-199. Эл. версия <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/9228798>. (26.05.2016); Он же. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2011, с. 251-265; Хрисанфов, Валентин. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2005, с. 100-114; Джулиано, Джузеппина. Русские при «дворе» Муссолини // «Персонажи в поисках автора»: Жизнь русских в Италии XX века. Пер. с ит. Анна Ямпольская; сост., науч. ред. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. Москва: Русский путь, 2011, с. 286-294; Рыков, Анатолий. Сумерки Серебряного века. Политика и русский религиозный модернизм в романе Д.С. Мережковского «Наполеон» // *Studia Culturae*. Вып. 27. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2016, с. 9-17.

труднее, чем бежать»³. Но события в постреволюционной России развивались так быстро, положение интеллигенции становилось настолько безнадежным, что выбора практически не оставалось – надо было бежать. Конечно, Мережковским хотелось покинуть Россию политически демонстративно, но в декабре 1919 г. они на это не решились, слишком силен был страх, слишком явной была угроза для жизни.

Лицом к лицу Мережковский встречался в разное время с двумя европейскими диктаторами – Юзефом Пилсудским (1867–1935) и Бенито Муссолини (1883–1945), с ними и связывал свою *idée fixe* об уничтожении «предельного метафизического зла – большевизма»⁴. Общение писателя с политиками испирировало / провоцировало создание литературных очерков-портретов – «Иосиф Пилсудский» (газета «Свобода», 1920, 18 июля, № 2, с. 2-3), «Встреча с Муссолини» (еженедельник «Иллюстрированная Россия», 1937, 13 февраля, № 8, с. 3). По сути эти очерки – своеобразные панегирики, поражающие откровенным сервиллизмом. Современники Мережковского⁵, историки настоящего времени объясняют стремление писателя завязать контакты с диктаторами и сервилльное к ним отношение достаточно просто: с одной стороны, именно навязчивой идеей Мережковского свергнуть большевиков («цель неизменно одна – свержение советской власти»⁶); с другой – желанием выгодно продать свой интеллектуальный товар, преследуя «чисто меркантильные интересы»⁷.

Сервиллизм, как известно, имеет в культуре давнюю традицию – от античности до наших дней: в древнем Риме его не чурались Вергилий, Гораций, Овидий; в русском XVIII в. общеизвестно – Тредиаковский, Крылов, а также Ломоносов, Державин⁸, в XIX – не только Булгарин... Так что Мережковский далеко не первый вступил на путь сотрудничества с политической властью. При этом его – страстного поклонника Ницше, кажется, вообще мало интересовала морально-этическая сторона дела. Однако, выбирая роль политика, он остается метафизиком, писателем-символистом, мышление которого, обусловленное сложной парадигмой идей, символов, мифов Серебряного века, стремилось подчинить себе абсолютно все – и художественное творчество, и реальную жизнь. Вадим Полонский отмечал, что Мережковский – «тотальный мифологизатор»⁹, оказался в числе тех русских писателей, кто попал в «„хронотипические” тиски» «лжеидеологий XX в.»; актуальной, по мнению исследователя, становится задача осмысления «этого феномена, его анализ <...> и выявление механизма взаимодействия „политики” и „поэтики” в текстах писателя-символиста»¹⁰. В качестве таких текстов выступают и художественные, и документально-публицистические.

Напомню, что опыт сотрудничества интеллектуала-творца с властителем-политиком был художественно апробирован писателем в ряде романов. Показательны в этом отношении, например, поведенческие стратегии, которыми наделил Мережковский Леонардо да Винчи и

³ Мережковский, Дмитрий. Записная книжка 1919–1920 гг. // Его же. Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции. Общ. ред. Александра Николоукина. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 2001, с. 53-81; с. 70.

⁴ Терапиано, Юрий. Встречи: 1926–1971 / Вст. статья, сост., подгот. текста, коммент., указ. Татьяны Юрченко. Москва: Intrada, 2002, с. 30.

⁵ См.: Алданов, Марк. Д.С. Мережковский. Некролог // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников. Антология. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 2001, с. 402-407; с. 404.

⁶ Злобин, Владимир. Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом // Он же. Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения / Сост., примеч. Тимофея Прокопова. Москва: НПО Интелвак, 2004, с. 19-29, с. 23; Хрисанфов, Валентин. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции, с. 16.

⁷ Хрисанфов, Валентин. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции, с. 100.

⁸ См.: Западов, Владимир. Проблема литературного сервиллизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г.Р. Державина // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Ред. Владимир Западов. Ленинград: Наука, 1989, с. 56-75; Романов, Дмитрий. Сервилльность как стандартная эмоциональная ситуация в русском языковом опыте. Теория языка и межкультурная коммуникация // Электронный научный журнал. 2012, № 2 (12). Эл. версия: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-008.pdf>. 30.05.2016; Гарин, Игорь. Адвокаты дьявола как исторический феномен // Проза.ру. Эл. версия: <https://www.proza.ru/2012/04/09/512>. 30.05.2016.

⁹ В книге о Данте, считает ученый, Мережковский «задает тотально символизированное пространство биографии <...> в которой <...> реалии истории <...> подчинялись логике мифогенеза <...>». Полонский, Вадим. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в.: опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал, 2015, № 37, с. 111-130; с.127.

¹⁰ Полонский, Вадим. Между метафизикой, историей и политикой: Религиозная мифология в позднем творчестве Д.С. Мережковского, с. 186.

его современников – Никколо Макиавелли и Чезаре Борджиа, героев второй части трилогии «Христос и Антихрист» – «Воскресшие боги» (1900). Не останавливаясь сейчас на этом вопросе, отмечу лишь, что у Мережковского случаются эпизоды влияния литературных поведенческих стратегий на его личные. У Алексея Холикова и Елены Андрущенко (по разным поводам) есть аналогичные наблюдения¹¹. А Дина Магомедова обратила внимание на то, что Мережковского как художника всегда притягивала «ситуация выбора <...> когда разрушается привычная система ценностей и возникает новая <...> человек оказывается *лицом к лицу*¹² с „неготовым миром“, „неготовой истиной“»¹³.

И вот уже не в творчестве, а в реальной жизни русский писатель, сначала в Варшаве, а затем в Риме, оказался в «ситуации выбора», *лицом к лицу* с «неготовым миром» и «неготовой истиной». Опираясь на тактику своих героев, он ищет сильного и деятельного политика (хорошо бы и покровителя); при этом главная цель – освобождение России от большевизма (вне морали!), оправдывается любыми средствами. Особые надежды возлагает на личное общение с диктаторами, которых, как, вероятно, предполагалось, можно интеллектуально наставлять, опекать, инспирировать, и более того – направлять в нужное русло.

Сначала попытка личного воздействия направлена на Юзефа Пилсудского. А позже, в 1930-е гг., аналогичные приемы последовательно использовались относительно Муссолини, Гитлера, Франко. В русской литературе, как отмечал Вадим Полонский, «существует давняя традиция своеобразной культурной коммуникации между властями предрержащими и художником: писатель обращается к главе государства со словами лести и превозношения, дабы попытаться мягко навязать ему не только какие-то политические советы, но и в определенной степени свой интеллектуальный патронаж. Так или иначе, дань этому сюжету отдали попарно и Карамзин с Александром I, и Пушкин с Николаем I, и даже Пастернак со Сталиным»¹⁴. Существенная разница, в сравнении с предшественниками, здесь все-таки заключается в том, что Мережковский обращается не к «своим», а к «чужим» властителям.

В 1920 г., как считает русский писатель, существует единственный европейский лидер, способный вести борьбу с Антихристом – это Юзеф Пилсудский, новый «избранник Божий»¹⁵. В своем очерке Мережковский трансформирует имя Пилсудского, используя версию «Иосиф», что сразу вызывает ассоциацию с библейским мифологическим героем, сначала пострадавшим (гонимым близкими), а затем прославившимся и спасшим свой народ. История Иосифа традиционно трактуется христианскими авторами как прообразование истории Христа¹⁶. Таким образом, аллюзии Мережковского вписывают «героя времени» в более чем высокий контекст.

Личную встречу писателя с диктатором организовал давний друг обоих – Борис Савинков¹⁷, занимавшийся с начала 1920 г. по приглашению самого Пилсудского созданием русских антибольшевистских вооруженных формирований в Польше. Будущий польский диктатор – фигура весьма далекая от однозначной оценки, совершенно не собирался раскрывать свои истинные военные планы и политические намерения ни Савинкову, ни тем более Мережковскому. Создавая иллюзию солидарности с командованием Добровольческой

¹¹ См.: Холиков, Алексей. Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865-1919. Санкт-Петербург: Алетей, 2010, с. 102-103; Андрущенко, Елена. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. Москва: Водолей, 2012, с. 233.

¹² Выделено мной – Л. Л.

¹³ Магомедова, Дина. О Д.С. Мережковском и его романе «Юлиан Отступник» // Мережковский, Дмитрий. Смерть богов. Юлиан Отступник. Москва: Художественная литература, 1993, с. 3-14. Эл. версия: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0050.shtml. 26.05.2016.

¹⁴ Полонский, Вадим. Между традицией и модернизмом, с. 255.

¹⁵ Мережковский, Дмитрий. Иосиф Пилсудский // Его же. Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции, с. 40-49; с. 46.

¹⁶ См.: Лопухин, Александр. Библейская история в свете новейших исследований и открытий: в 2 т. Т. I. Санкт-Петербург: Изд. И.Л. Тузова, 1889, с. 81; Лопухин, Александр. Иосиф // Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. I. Ред. коллегия Сергей Аверинцев и др. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1993, с. 638; Аверинцев, Сергей. Иосиф // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. I. Гл. ред. Сергей Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1987, с. 555-558.

¹⁷ См. подробнее о деятельности Савинкова в Польше: Kowalczyk, Andrzej Stanisław. Sawinkow. Warszawa: LBN Wydawnictwo, 1992; Buliński, Robert. Borys Sawinkow – „król terroru” i sojusznik Piłsudskiego // JPilsudski.ogr. Эл. версия: <http://jpilsudski.org/artykuly-personalia-biogramy/politycy-dzialacze-spoleczni/item/2410-borys-sawinkow-król-terroru-i-sojusznik-piłsudskiego>. 26.05.2016.

армии, Пилсудский не стремился к реальному военному союзу. И когда Деникин в период наступления на Москву весной 1919 г. обратился к нему за поддержкой, то просьба была проигнорирована¹⁸. В результате союз Добровольческой армии с Польшей не состоялся, хотя белые были убеждены в том, что Польша и Россия имеют общие интересы¹⁹. Пока Польша бездействовала, красное командование сумело перебросить почти целую армию (около 40 тысяч человек) с западного фронта на южное направление и разбить войска белогвардейцев. Естественно, сторонники «третьей России»²⁰ ничего не знали о тайных переговорах Пилсудского с Советами, в результате которых и были приостановлены военные действия польской армии против большевиков.

В условиях сложных военных маневров и политических игр Пилсудский дает согласие на встречу с русским писателем. 24 июня 1920 г. Зинаида Гиппиус записывает: «Завтра Дмитрий едет в Бельведер (военная ставка), к Пилсудскому. Если это свидание будет даже пятиминутным и Дмитрий ничего не успеет ему сказать – все равно, будет некий символ. Факт»²¹. Встреча еще не состоялась, но она уже воспринята как *символ*, который, как известно, всегда имеет аксиологическую значимость и всегда содержит элемент «нереальности» в здешнем мире, поэтому и играет особую роль в возникновении новых – возможных, но неведомых пока, форм реальности. Мережковские, оказавшись в Варшаве, живут в своем окультуренном мире, в некой абстрактно-мифологизированной реальности. У Пилсудского же, как и у всей Польши, реальность (июнь-июль 1920 г.) совсем иная, и она весьма драматична²². После побед над армиями Деникина, Колчака и Юденича (при косвенной помощи Пилсудского) большевистский Юго-Западный фронт мощными темпами двинулся на Варшаву. 11 июля в «Правде» Сталин отмечал: «наши успехи на антипольских фронтах несомненны <...>, но было бы недостойным бахвальством думать, что с поляками в основе уже покончено, что нам остается лишь проделать „марш на Варшаву”»²³. Ситуация осложнялась. Войска Буденного теснили поляков. И проблема «быть или не быть» становилась жизненно важной для каждой из сторон.

В этой обстановке 25 июня Пилсудский встречается с Мережковским (сам маршал никаких свидетельств о встрече не оставил). А Зинаида Николаевна записала: «Пилсудского Дмитрий видел, сидел у него час двадцать минут (и то сам потом ушел), результаты интересны. Первый – что Дмитрий в него как бы влюбился и вообще стал бредить Бельведером. Уже написал восторженную статью „Иосиф Пилсудский”²⁴, которую будет печатать везде, когда через Веняву²⁵ получит благословение»²⁶.

Через две недели (в период жесточайшей войны) благословение было получено, и 18 июля 1920 г. в варшавской газете «Свобода» (№ 2, с. 2-3) была опубликована статья *Иосиф Пилсудский*. Статья отражает впечатление писателя от встречи с «героем». При этом Мережковский позиционирует себя «не как политический деятель <...>, а как человек»²⁷,

¹⁸ Urbanowski, Bohdan. Józef Piłsudski – marzyciel i strateg. Poznań: Zysk i S-ka, 2014, s. 252.

¹⁹ См. об этом: Зуев, Михаил, Ионов, Виктор, Симонова, Татьяна. Советская Россия и Польша 1918-1920 гг. Советско-польское вооруженное противостояние 1918-1919 гг. Советско-польская война 1920 г. Под общ. ред. Александра Кольтюкова. Москва: Институт военной истории, 2006; Барынкин, Артем. Польша во внешнеполитической стратегии Советской России (1918-1919 гг.). Автореф. дис. <...> канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2013.

²⁰ См.: Nowak, Andrzej. Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920). Kraków: Arcana; Warszawa: Instytut Historii PAN [Polskiej Akademii Nauk], 2001.

²¹ Гиппиус, Зинаида. Варшавский дневник // Она же. Собрание сочинений. Т. IX. Дневники: 1919-1941. Из публицистики 1907-1917 гг. Воспоминания современников / Сост. примеч., указ. имен Тимофея Прокопова. Москва: Русская книга, 2005, с. 85-136; с. 85.

²² Suława, Adam Radosław. Idea współpracy polsko-rosyjskiej w myślipolitycznej rosyjskiej emigracji w Polsce (lata 1918-1939) // Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria, 2013, N 3 (87), s. 221-237.

²³ Цит. по: Симонова, Татьяна. Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919-1925 гг.). Москва: Квадрига, Зебра Е, 2013. Эл. версия: <http://iknigi.net/avtor-tatyana-simonova/102923-sovetskaya-rossiya-sssr-i-polsha-russkie-antisovetskie-formirovaniya-v-polshe-19191925-gg-tatyana-simonova/read/page-5.html>. 26.05.2016.

²⁴ Ср.: Алданов, Марк. Пилсудский // Он же. Сочинения: в 6 кн. Кн. I: Портреты. Москва: Новости, 1994, с. 355-386.

²⁵ Болеслав Венява-Длугошовский (пол. Bolesław Wieniawa-Długoszowski, 1881-1939) политик, военный деятель, дипломат, поэт; на тот момент адъютант Юзефа Пилсудского.

²⁶ Гиппиус, Зинаида. Варшавский дневник, с. 86.

²⁷ Мережковский, Дмитрий. Иосиф Пилсудский, с. 41.

правда, к концу очерка нарушает эту установку и вещает уже как пророк. Эмоционально статья – действительно «восторженная», по характеру представления героя – мифологическая (даже, как отмечалось, на уровне выбора имени). В первом же абзаце подчеркнуты исключительность произошедшего события и авторское к нему отношение: «Вы хотите, чтобы я рассказал мое впечатление от беседы с Начальником Государства. Боюсь, что это трудно будет сделать. Вот одна из тех минут, когда я чувствую себя плохим рассказчиком, плохим писателем. Да ведь и всегда главное в живой беседе, в слове изреченном – неизреченно; это главное есть внезапное чувство, волнение, улыбка, взгляд, молчание, молния, музыка. А как изобразить молнию, рассказать музыку?»²⁸. Это лирическое излияние формирует т.н. «субъективную реальность», когда слово не способно выразить эмоциональную насыщенность пережитого впечатления. Авторский лирический нарратив актуализирует аллюзии на романтические формулы *невъязимости, неизреченности* («Невыразимое подвластно ль выраженью» Жуковского, «Мысль изреченная есть ложь» Тютчева, «Как беден наш язык...» Фета). Далее субъективная реальность обогащается библейской эпикой героя, поддержанной ницшеанской наполеоновской мификой: «нет на земле ничего более достойного поклонения, чем отблеск лика Божьего в лице человеческого, в Герое. Герой <...> есть непреложное Богоявление, Теофания. Когда он вошел в комнату, на меня „повеяло веяние тихого ветра“, о котором говорится в Третьей Книге Царств²⁹; я сразу почувствовал: да, это Он, Герой, *ens realissimum*, „существо реальнейшее“³⁰, как выразился Ницше о Наполеоне»³¹.

Для Мережковского, как он отмечал, мера всех вещей – человек; в свою очередь мера человека – Бог или дьявол: подражание Богу – творчество; подражание дьяволу – разрушение; беду своих современников писатель видел в том, что они «забыли Бога и разучились поклоняться героям, богоявлениям в человечестве»³². Сам Дмитрий Сергеевич, как следует из очерка, «не забыл», «не разучился», потому он, оказавшись *лицом к лицу* с героем, и сумел прикоснуться к его тайне. Мифопоэтика завывает аксиологическую самооценку повествователя.

В тексте «*ens realissimum*» представлено мастерским литературным портретом: «Я узнавал и не узнавал этот образ, повторяемый в изображениях бесчисленных (прижизненная мифология Пилсудского – Л. Л.): небольшую, коренастую фигуру Солдата и Рабочего, лицо то усталое, почти старое, то бессмертно юное; крутой, нависший, выпуклый лоб, изборожденный глубокими поперечными морщинами, как твердый камень – резцом ваятеля; крепко сжатые губы „великого молчальника“³³, и под упрямо насупленными, торчащими рыжими бровями странно светлые глаза, то затуманенные, то опрозраченные, с неизъяснимым взором, смотрящим внутрь, ясновидящим. Я знал, что образ этот будет изваян, „вековечнее меди“³⁴, резцом великого ваятеля, Истории»³⁵.

²⁸ Там же.

²⁹ «11 И сказал: выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; 12 после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь]». См.: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Перепеч. с Синодального издания. Москва: ВСЕХБ, 1988, с. 387.

³⁰ См.: *Ens realissimum* (лат.) – реальнейшее сущее (бог) // Философский энциклопедический словарь / Ред. коллегия Сергей Аверинцев и др. Москва: Советская энциклопедия, 1989, с. 789.

³¹ Мережковский, Дмитрий. Иосиф Пилсудский, с. 40-41.

³² Там же, с. 47.

³³ «Великим молчальником» современники называли фельдмаршала Хельмута фон Мольтке Старшего (1880-1891) – военного теоретика и полководца, проводившего идею неизбежности войны; его принято считать одним из идеологов германского милитаризма и одним из основателей Германской империи. Некую общность между немецким и польским военачальниками отметил Марк Алданов в очерке о Пилсудском (1929): «По-настоящему же Пилсудский, я думаю, любил и любит только борьбу, в особенности ее вековую форму: войну. В своей книге „1920 год“ он называет военное дело „божественным искусством, которое тысячелетиями отмечало вехи в истории человечества“». См.: Алданов, Марк. Пилсудский // CoolLib. Эл. версия: <http://coollib.net:8080/b/330220/read>. 26.05.2016.

³⁴ Аллюзия на известные стихи Горация в переводе Андрея Семенова-Тян-Шанского. См.: Гораций. Создан памятник мной. Он вековечнее меди... // «Русская мысль», 1916, № 10, с. 4. Эл. версия: <http://horatius.ru/index.xps?3.330>. 26.05.2016.

³⁵ Мережковский, Дмитрий. Иосиф Пилсудский, с.41.

Русский автор прозрел в «герое необыкновенном» «дар воображения сердечного», «интуиции», «ясновидения» и в то же время заметил, что он – «тихий, простой, как небо», «с милой улыбкой»³⁶. Писатель ощущает возникшую между собеседниками «бездну» и «близость», но главное – интенцию, как ему кажется, обоюдной рецепции, выраженную им предельно кратко: «Друг. Брат»³⁷. Основные чувства, пережитые нарратором, – удивление и радость: «удивление простоты. Я думал: будет величаво, торжественно, – и вот как просто»; «нечаянно радостью было для меня то, что он все понимал с полуслова, с намека, с одного взгляда, улыбки, молчания»³⁸. Основной императив, вытекающий из восторженно-радостных «искр» повествователя, – запечатлеть: «забыть его нельзя – он в памяти моей, в сердце моем неизгладим на веки веков»³⁹.

В конце очерка, обращаясь к полякам, Мережковский пророчествует: «Я говорю вам то же, что говорили ваши пророки три огненных А, начертанных во мраке перстом Божиим для вашего спасения: Август Чешковский, Андрей Товянский, Адам Мицкевич. В эти черные дни не забывайте ваших пророков. Я говорю вам то же, что говорили они: не думайте, что Польша, как Христос, воскресла и уже не умрет»⁴⁰.

Пройдет совсем немного времени, и Мережковский в глубочайшем разочаровании напишет о своей обманутой вере в Польшу⁴¹.

Статья «Встреча с Муссолини» была написана Мережковским почти через полтора десятилетия, однако в ней наблюдается тот же набор характеристик, но уже относительно итальянского диктатора, близкий набор чувств, пережитый рассказчиком, и тот же уровень оценок, данных герою.

И в новом очерке появляется концепт невыразимого: «кто впервые видят его, лицом к лицу <...> почти невозможно выразить словами»⁴². В портрете также делаются акценты на глаза, голос, улыбку; характеристики в основе своей повторяются: «глаза, ясновидения знак»⁴³, «глаза, такие правдивые, как только у самых маленьких детей, или еще, иногда у зверей, и, может быть, всегда у богов»⁴⁴; голос «тихий, глубокий, издали доносящийся, а на самом деле громкий»⁴⁵; улыбка «обаятельно-простая, которая, точно чудом, устанавливает равенство между ним и собеседником»⁴⁶. Нарратор подчеркивает душевно-духовную близость и родственность со своим героем: «Он для меня близкий и родной, как на далекой чужбине, после долгой разлуки, нечаянно встреченный и узнанный, – брат»⁴⁷. Писатель вновь испытывает то же чувство удивления при встрече с диктатором, только теперь оно утроилось: удивление «первое, великое: прост, <...> второе, большое: добр – третье, величайшее: смиренен»⁴⁸.

В судьбах Пилсудского и Муссолини есть типологическое сходство: оба начинали как социалисты, разочаровались; оба так или иначе обращались к литературе (публицистика, журналистика, редакторская деятельность, мемуаристика); оба служили в армии – из нижних воинских чинов взлетели по-наполеоновски к маршальским, стали правителями с имперскими амбициями и неограниченными полномочиями; оба познали восторженное восхищение и любовь своих народов; оба воспринимались современниками как уникальные личности, достойные подражания («был капралом, стал императором!»). Все в совокупности обуславливало прижизненную мифологизацию политиков. Мережковский, вероятно, не избежал этого общего веяния времени, но он по-своему мифологизирует фигуры Пилсудского и Муссолини. Писатель-символист понимает миф как вещий символ, ему близок принцип,

³⁶ Там же, с. 42

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 46.

⁴⁰ Там же, с. 48.

⁴¹ Мережковский, Дмитрий. Моя обманутая вера в Польшу // Общее дело, 1921, 17 октября, № 457, с. 2.

⁴² Мережковский, Дмитрий. Встреча с Муссолини // Он же. Царство Антихриста, с. 442-449; с. 443.

⁴³ Там же, с. 445.

⁴⁴ Там же, с. 446.

⁴⁵ Там же, с. 445.

⁴⁶ Там же, с. 442.

⁴⁷ Там же, с. 444.

⁴⁸ Там же, с. 447.

использованный Леоном Блуа (Léon Bloy)⁴⁹, в книге о Наполеоне (L'ame de Napoléon. Paris: Mercure de France, 1912), где, по словам Мережковского, «автор делает методом исторического познания миф – кажущийся миф, действительный религиозный опыт, свой личный и всенародный. Он знает, как знали посвященные в Елевзинские таинства, что миф – не лживая басня, а вещий символ, прообраз утаенной истины, покров на мистерии и что, не подняв его, не проникнешь в нее»⁵⁰. Через миф (о Пилсудском как Герое; о Муссолини как Духе Земли) – к мистерии – вот тот путь, который избрал писатель, чтобы *лицом к лицу* осознать не общедоступную, видимую, а, как ему казалось, сокрытую от глаз мира суть своих героев.

Итак, в очерках, написанных по следам фактических встреч, как видно, политические лидеры наделены чертами мифологизированных героев: библейского «прекрасного» Иосифа – Юзеф Пилсудский; мифического Духа Земли – Бенито Муссолини. И сам писатель тяготел к роли провидца и пророка, выступая в качестве художника ярко выраженного мифологического сознания, когда восприятие и осознание жизни осуществляется в условном пространстве, окружающая реальность мифологизируется, жизненные события и конкретные лица осмысляются символически. Хотя конечный литературный результат оказывается достаточно банальным, укладываясь в известную формулу: *лицом к лицу – лица не увидеть...* Зато в жизненных ситуациях Мережковский, не достигнув желаемого, низводил своих патронов, как свидетельствует современник, до уровня «обыкновенного политика» и «пошляка»⁵¹.

Lyudmila Lutsevich, **Face To Face: Two Meetings**

D.S. Merezhkovskij is creatively versatile. He felt the need both to realize his talent of a writer and try his hand at being a philosopher, a religious figure and a politician. Naturally enough, these social functions coexisted at different stages of his life; at times one function became dominant, to subordinate the rest and loom large to the foreground. The Russian writer strenuously established himself as a politician during the period of immigration. Studying the essay on “Iosif Pilsudskij” and “Meeting with Mussolini” to some degree, the author of the article paid attention to the way the writer feels and reflects on certain historical circumstances and their participants; the latter were real people that determined Merezhkovskij’s political performance.

Key words: Merezhkovskij, Pilsudskij, Mussolini, politics, emigration.

⁴⁹ См. о нем: Бердяев, Николай. Рыцарь нищеты // София. Журнал искусства и литературы, 1914, вып. 6, с. 49-78.

⁵⁰ Мережковский, Дмитрий. Наполеон. [Наполеон-человек. Жизнь Наполеона]. Москва: Республика, 1993. Эл. версия: http://royallib.com/read/meregovskiy_dmitriy/napoleon.html#20480 (Наполеон: Наполеон-человек: Судьи Наполеона: [с.] 2). 20.06.2016.

⁵¹ Терапиано, Юрий. Встречи, с. 31.